

Dean S. Worth. **The Origins of Russian Grammar: Notes on the State of Russian philology before the advent of printed grammars** / UCLA Slavic Studies, v. 5 — Columbus: Slavica Publishers, Inc., 1983. — 176 p.

В серии публикаций крупнейшего американского славистического центра — Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе — вышла интересная книга видного американского русиста и слависта Дина Стоддарда Ворта «Истоки русской грамматики». Название монографии снабжено подзаголовком «Заметки о состоянии русской филологии перед появлением печатных грамматик». Быть может, «филология» — это слишком широко, речь идет о грамматиках.

Грамматики, даже если они стремятся к объективнейшему описанию существующего языка, коль скоро они предназначены для реальных или потенциальных носителей и пользователей языка, не могут не быть вмешательством в функционирование, а значит в эволюцию языка. И потому естественно, что Ворт, в течение всей своей деятельности публикуя исследования по русской грамматике и по истории русского языка, обратился к истокам русской грамматической традиции.

Материалом послужило фундаментальное собрание В. (Н. В.) Ягича «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1896). Это превосходное издание памятников старинной южно- и восточнославянской филологической мысли и содержащиеся в нем комментарии Ягича стали отправной точкой для Ворта. Ворт внимательно прочитал (в филологическом смысле этого слова) Ягича и представил в своей книге результаты этого прочтения. Предметом интереса Ворта не были, в основном, собственно филологические сюжеты об источниках, списках и вариантах старинных грамматических сочинений. Иногда, правда, Ворт не может не остановиться на подобных яв-

лениях, рассуждая, например, о двух копиях русского Доната и характере этого наиболее крупного пособия. Много подобных соображений в весьма скептическом разделе о Максиме Греке. В целом, однако, такого рода филологическая проблематика не обсуждается в книге.

Существо труда Ворта состоит, пожалуй, в том, что он стремится извлечь из сочинений старинных авторов и представить в форме, приближаемой к современной, объективные грамматические факты. Противоречие материала состоит в том, что старые грамматисты были универсалистами, не задумывавшимися, видимо, над универсальностью или специфичностью для каждого языка грамматических правил, но допускавшими простой перенос грамматики с одного языка на другой, включая не только теорию, но и сами факты. И потому категории, которые были реальными для одного языка, переносились в другой, а собственные категории этого языка не всегда учитывались. Так, Дмитрий Герасимов старательно переводил богатую систему латинских времен и залогов на русско-славянский язык, строя своего рода русскую часть латинско-русской конфронтативной или контрастивной грамматики. Но вплоть до появления печатных грамматик падежная система в славянских трудах не включала творительного и местного падежей, ибо их не было в греческих и латинских оригиналах. Несколько неосознанно-универсалистский подход захватывал старинных грамматистов, видно не только из наивного включения Дмитрием Толмачом в перевод Доната и собственно русских парадигм, и записанных кириллицей латинских примеров склонения с латинскими же окончаниями (вроде *фелисibus*), но и из частых случаев интерференции, и русско-сербской, и старославянско-восточнославянской, и греческо-славянской (ср. остроумное объяснение Вортом на с. 16 особого статуса окончания *-е* в среднем роде и сочинении «О восьми частях ре-

чи», поскольку славянский писец смешал греческое окончание среднего рода и название славянской буквы (он). Задача Ворта усложнена в том плане, что он может обнаружить в грамматиках лишь то, что в них было отмечено, но, с одной стороны, отмечены были не все особенности грамматики славянского и русского языка, а с другой стороны, в своих переводческих интенциях старинные грамматики давали как параллели и такие факты, которые на славянской почве едва ли имели регулярный, т. е. грамматический характер. Возможно, раскритикуя общелингвистическую позицию тогдашних писателей уселило бы экспликацию самого материала, представленного в книге. Хотя ясно, что эту позицию, неполную и противоречивую, пришлось бы не просто эксплицировать, но реконструировать, а такой задачи Ворт перед собой не ставил.

Объектом очерков Ворта (он пишет в предисловии, что по-русски его книга называлась бы «Очерки по...» или «Исследования в области...») является становление восточнославянской грамматической мысли. Из приведенного материала видно, как непосредственно это становление, причем особенно трудной была (как впрочем и теперь) грамматическая семантика. В «Восьми частях речи» гораздо проще было дать формальную классификацию слов как простых, сложных и преложных (состоящих более, чем из двух корней), чем семантическую классификацию слов. А в «Книге, глаголемой буквы» сочинитель открыл фонологический характер ударения, показав, что формы *стрижна* и *стрижнн* (с ударением на разных а) принадлежат к мужскому и женскому родам (62). Ворт отмечает, что сочинитель тут не показал различия в падеже (род. п. м. р. и ж. р.). Замечание справедливо, но при простреливании истории знания всегда важнее не то, чего нет или иной ученый еще не заметил, а то, что он уже открыл.

По поводу ряда частностей можно поставить на полях книги Ворта вопросы. Почему, например, у него вызывает недоумение слово *лой* (с. 172, примечание 67)? Почему форма *будите* (64) кажется Ворту украинской? Не является ли форма *ученицу* (58) неверно поставшей в парадигму формой притяжательного прилагательного? Но не в этих вопросах суть. Суть в том, что Ворт напомнил читателям своей книги о сложных путях становления русской грамматической мысли, раскрыл грамматическое содержание ряда старых сочинений не только подробнее, чем это обычно делалось, но и сделал это весьма современно. И скромное пожелание автора, высказанное в заключение, о том, что он считал бы свои усилия оправданными, если бы после его труда появились новые, в том числе и основанные на архивных изысканиях, работы по истории русской грамматической мысли, бесспорно найдет свой отклик. Прежде всего потому, что «кто не желает иметь прошлого, тот не заслуживает и будущего» (В. Гумбольдт).

А. Е. Супрун

Ф. Янкоўскі. Гістарычная граматыка беларускай мовы. (2-е выд., выпр. і дап.) — Мінск: Вышэйшая школа, 1983. — 271 с.

Аноншы дзесяцігоддзі ў беларускім мовназнаўстве азнаменаваліся выходам шэрагу грунтоўных прац, прысвечаных вывучэнню самых розных пытанняў гісторыі граматычнага ладу беларускай мовы. Своеасаблівым падагульненнем карпатнай работы лінгвістаў-гісторыкаў нашай рэспублікі з'явіўся вучэбны дапаможнік, падрыхтаваны вопытным педагогам і аўтарытэтным даследчыкам Ф. М. Янкоўскім. Новая книга выдатна адрозніваецца ад папярэдніх прац. У ёй прапануецца арыгінальны практычны матэрыял для правэркі і замацавання тэарэтычных ведаў, пераважаюць большасць параграфіў значна перапрацаваны і дапоўнены новымі фактамі, частка прыкладаў заменена. Шмат увагі ўдзелена пытанням культуры мовы.

Ф. М. Янкоўскі падрабязна гаворыць пра гістарычную роднасць беларускай, рускай і ўкраінскай моў, якія ўзніклі з агульнай для ўсходніх славян мовы і захавалі шмат якіх адзнак гэтай роднасці ў фанетыцы, лексіцы, марфалогіі. Падкрэсліваецца і выразна прасочваецца аднасць ўсходнеславянскіх моў з заходне- і паўднёваславянскімі мовамі. Разам з тым аўтар абгрунтавана, прыводзячы неабходныя гістарычныя каментарыі, тлумачыць адрозненне беларускай мовы ад рускай, ўкраінскай і іншых славянскіх моў, засяроджваючы ўвагу на асаблівасцях беларускай і рускай фанетыкі, марфалогіі і сінтаксісу, параўноўваючы факты дзвюх моў. Так, у беларускай мове неабходна пісаць і вымаўляць *рубель, карабель, бабёр, віхор, журавель* (рус. *рубль, корабль, бобр, вихрь, журавль*); зваротак у беларускай мове можа выражацца не толькі назоваўкам у форме назоваўнага склона, але і клічовай формай (*суседа, браце, княжа, хлопца*). У той час як у рускай мове клічны склон заўсёды не ўжываецца; пры дзеясловых *выбачы, дараваць, дзякаваць, прабачыць* і некаторых іншых далажэнне стаўіцца ў давальным склоне (*дзякаваць яму, дараваць ім*), у рускай мове алпаведныя дзеясловы ўжываюцца з дапаўненнем у інававальным склоне (*простите меня, благодарю вас*).

Грунтоўнае азнаямленне, тэарэтычнае асэнсаванне шматлікіх моўных фактаў з розных помнікаў беларускай пісьменнасці, супастаўленне іх з іншымі крыніцамі і фактамі народных гаворак дае аўтару магчымасць на высокім навуковым узроўні вырашыць няпростыя пытанні разніцы і стаўлення фанетычнай і марфалагічнай сістэм беларускай мовы. Ф. М. Янкоўскі класіфікуе разнастайныя фанетычныя змяненні, прасочвае іх жыццё ў мове праз шматлікія факты ад старажытнасці да нашых дзён, абгрунтоўнае мэтазгоднасць і правамернасць ужывання тых ці іншых форм у сучаснай беларускай мове. Так, пасля страты (выпаўнення) рэдукаваных *Ъ, Ъ* развіваецца асіміляцыя па мяккасці, якая